

«кантатами» ихъ познакомили Драйденъ и Жанъ-Баптистъ Руссо: стало быть, то уже не кантата, что не было рабской копіей съ какой-нибудь кантаты этихъ двухъ риторовъ-стихотворцевъ. И какимъ образомъ страсти безвѣстнаго человѣка могли быть предметомъ такого высокаго рода поэзіи, какъ кантата?—съ нихъ было бы за глаза довольно и нѣжной пѣсенки въ родѣ: «Сто-нетъ сизый голубочекъ»: вѣдь въ залы входятъ только господа, а слуги остаются въ передней! Въ то время высокій и священный санъ человѣка не признавался ни за что, и человѣкъ считался ниже не только титулярнаго совѣтника, но и простого канцеляриста. Какъ же можно было видѣть равнодушно, что талантливый композиторъ тратитъ сокровища музыки на чувство какого-то армянина...

А между тѣмъ бутырскіе классики были близки и къ тому, чтобы увидѣть въ Жуковскомъ истиннаго своего врага, какъ это можно замѣтить изъ слѣдующихъ строкъ:

„Будучи однимъ изъ почитателей (но не слѣпыхъ и раболѣпныхъ) таланта нашего отличнаго стихотворца, В. А. Жуковскаго, я такъ же, какъ и прочіе мои соотечественники, восхищался многими прекрасными его произведеніями. Такъ, м. г. м., и я, хотя не имѣю чести быть орлиной породы, смѣлъ прямо смотрѣть на солнце, любовался блескомъ его и согрѣвался животельной его теплотой до тѣхъ поръ, пока западные, чужеземные туманы и мраки не обложили его и не заслонили свѣтъ его отъ слабыхъ глазъ моихъ, слабыхъ потому, что не могутъ видѣть свѣта сквозь мракъ и туманъ. Говоря языкомъ общепонятнымъ, я съ восхищеніемъ читалъ и перечитывалъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, переводъ Греевой элегіи, „Людмилу“, „Свѣтлану“, „Эолову арфу“, многія мѣста изъ „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ“ и разныя другія стихотворенія Жуковскаго. Но съ нѣкотораго времени, когда имя его стало появляться подъ стихотвореніями, въ которыхъ все нѣмецкое, кромѣ буквъ и словъ,—восторгъ и удивленіе во мнѣ уступили мѣсто сожалѣнію о томъ, что стихотворецъ съ такими превосходными дарованіями оставилъ красоты и приличія языка: оставилъ тѣ средства, которыми онъ усвоивилъ русскимъ „Людмилу“, „Ахилла“ и столько другихъ произведеній словесности чужестранной... оставилъ, и для чего же? Чтобы ввести въ нашъ языкъ обороты, блестящіе ума и безпонаятную выспренность нынѣшнихъ нѣмцевъ стихотворцевъ-мистиковъ! Если первыя баллады Жуковскаго породили толпу подражателей, которые только жалкимъ образомъ его передразнивали, не умѣя подражать красотамъ, разсыпаннымъ щедрой рукой въ прежнихъ его произведеніяхъ,—то мудрено ли, что теперь люди съ превосходными дарованіями или вовсе и безъ дарованій съ жадностью подражаютъ въ немъ тому, что находятъ по своимъ силамъ?.. Истинный талантъ долженъ принадлежать своему отечеству; человѣкъ, одаренный такимъ талантомъ, если избираетъ поприщемъ своимъ словесность, долженъ возвысить славу природнаго языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выраженіями ему свойственными; гений имѣетъ даже право вводить новые,

но не иноплеменные, и никогда не выпускать изъ виду свойства и приличія языка отечественнаго.“ („В. Е.“ 1821, т. CXVII, стр. 19—21).

Но и тутъ, ясно, привычка помѣшала увидѣть дѣло такъ, какъ оно было: бутырскій классикъ не видалъ романтизма въ самыхъ ультра-романтическихъ пьесахъ Жуковскаго, каковы: „Людмила“, „Свѣтлана“, „Эолова Арфа“, „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“, но увидѣлъ его въ позднѣйшихъ, лучшихъ и по содержанію, и по формѣ, произведеніяхъ Жуковскаго. Подлинно, въ младенческое время литературы и старцы поневолѣ бываютъ дѣтскими...

Восторги, возбужденные „Русланомъ и Людмилей“, равно какъ и необыкновенный успѣхъ этой поэмы, не смотря на всю дѣтскость ея достоинствъ гораздо естественнѣе и понятнѣе, чѣмъ яростныя нападки на нее бутырскихъ классиковъ. Не говоря уже о томъ, что всякая удачная новость ослѣпляетъ глаза, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ русская поэзія дѣйствительно сдѣлала огромный шагъ впередъ, особенно со стороны технической. Всѣ восхищались ея прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно-поэтическими, граціозной шуткой, разсказомъ плавнымъ, увлекательнымъ, живымъ и быстрымъ, всей этой игривой затѣйливостью, шаловливостью и причудливостью арабесковъ въ характерахъ и событіяхъ, и никому не приходило въ голову требовать отъ этой поэмы народности, къ которой обязывалось ея заглавіе и самое содержаніе, естественности, поэтической мысли, вполне художественной отдѣлки. Образца для нея не было на русскомъ языкѣ, а если и были прежде попытки въ этомъ родѣ, но такія ничтожныя, что сравненіе съ ними не могло бы сбавить цѣны съ „Руслана и Людмилы“. У кого изъ прежнихъ поэтовъ можно было найти стихи, подобные, на примѣръ, этимъ:

И вотъ невѣсту молодую  
Ведутъ на брачную постель:  
Огни погасли... и nocturno  
Лампаду зажигаетъ Лель.  
Свершились милыя надежды,  
Любви готовятся дары;  
Падутъ ревнивыя одежды  
На цареградскіе ковры...  
Вы слышите ль влюбленный шопотъ  
И подслуевъ сладкій звукъ,  
И прерывающійся ропотъ  
Послѣдней робости?..

Или:

Но прежде юношу ведутъ  
Къ великолѣпной русской банѣ.  
Ужъ волны дымяныя текутъ  
Въ ея серебряныя чаны,  
И брызжутъ хладныя фонтаны;  
Разостланъ роскошью коверъ;  
На немъ усталый ханъ ложится;  
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;  
Потудя нѣги полный взоръ,  
Прелестныя, полунагія,  
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,